

Се-Же-Тэ и французская демократія.

Надо думать, что это краткое трехчленное звуко сочетание "Се-Же-Тэ" известно теперь во всем мирѣ всякому человеку, сколько пибудь интересующемуся социальными-политическими проблемами. Каждый 8-й житель Франціи — это член Се-Же-Тэ. А если взять только трудоспособное население Франціи, то вѣроятно каждый четвертый или даже третий француз или француженка состоит членом Се-Же-Тэ. А так как из 5 миллионoв членoв этой организациі 4 миллиoна вступили в нее только за послѣдніе 8-10 мѣсяцев и званіе "сежетиста" для них еще новое и свѣжее, то легко себя представить, как вся социальная жизнь Франціи, пачиная от первоначальной семейной кѣточки, и кончая крупными и сложными общественно-политическими организмами, гудит этим кратким трехчленным звуко сочетаніем: Се-Же-Тэ.

Это соединенное названіе трех инициальных букв в титулѣ французской Генеральной Конфедерациі Труда стало символом глубокой социальной революціи, происходящей сейчас во Франціи. Я отлично знаю, сколь предательски двусмысленным является это слово "революція" и не раз в печати на подводных камнях этого понятія останавливался. И если я все-таки к нему прибѣгаю, то это не болѣе как капитуляція перед бѣдностью палего языка, который в противорѣчии с русской поговоркой, за неимѣніем "простой" пишет на "гербовой"... Лишенные точных, адекватных понятій для цѣлаго ряда явленій современной жизни, мы прибѣгаем к историческим преувеличенностям. И так как во Франціи

было уже много всяких революцій, то почему ей не подкинуть еще одну? Извѣстно напримѣр, что глубокія перемѣны, произошедшія во Франціи в связи с дѣлом Дрейфуса и само кипѣніе вокруг этого дѣла было в свое время названо “четвертой французской революціей”. В таком случаѣ Се-Же-Тэ является существенным элементом “пятой французской революціи”.

Человѣческое сознание любит хитрить и тайком страховать себя от слишком большой отвѣтственности за свою продукцію. Одной из таких хитростей является ослабленіе значенія какого либо понятія при помощи его... сугубаго подчеркиванія. Вот и о том, что происходит сейчас во Франціи часто слышится такое сужденіе: “да — это вѣдь и а с т о я щ а я революція”. В этом подчеркиваніи безсознательная хитрость состоит в том, что оно ослабляет буквальный смысл употребленнаго слова. Революція 1789 г. и 48 г. и 1871 г. были вовсе не “настоящими” революціями, а просто революціями. Сказать про событія 1789 г., что они представляют собою “настоящую революцію” было бы по меньшей мѣрѣ смѣшно. “Настоящая революція” отличается от простой революціи тѣм, что первая не настоящая, а мнимая, чѣм то революцію напоминающая, но революціей не являющейся, между тѣм, как вторая и есть революція в точном смыслѣ этого слова.

Происходящее сейчас во Франціи охотно называется революціей только потому, что в сознаніи широких масс — и сознание это довольно примитивно — только революція способна в такое короткое время привести к таким глубоким и существенным перемѣнам в строѣ соціальной и политической жизни, к каким привел т. и. “опыт Блюма”. При этом упускается из виду, что революціи в точном смыслѣ этого слова кончаются часто и пораженіем и ни к каким существенным и глубоким перемѣнам в политическом и соціальном строѣ не приводят, между тѣм, как к тому, что происходит сейчас во Франціи, пристегнуть термин революція можно только потому, что эти глубокія перемѣны уже

осуществились и осуществляются дальше во все болѣе широком видѣ.

Какова же роль СЖТ (мы в дальнѣйшем будем пользоваться этой сокращенной формулой) в той “пятой революціи”, какая сейчас мѣняет лик Франціи?

Когда правительство Леона Блюма пришло в іюнѣ прошлаго года к власти, то вся страна была охвачена конвульсіей грандіозной забастовки, невиданной в исторіи силы и размаха и невиданной формы. Болѣе двух милліонов рабочих возстали против матеріальных и моральных условій своего труда, и возстаніе это выразилось виѣшне в том, что, сложив и приведя в порядок орудія своего труда, они тут же расположились днсвать и почевать, покуда их требованія не будут удовлетворены. В этой соціальном гением масс открытой формѣ борьбы крылся величайшаго историческаго значенія символ. Смысл его был глубок и многообразен.

Среди этих стѣн фабрик, заводов, мастерских, складов, магазинов мы люди чужой воли. Нас сюда гонит, нас здѣсь держит и нас здѣсь к землѣ пригнетает нужда, матеріальная неволя. Так заявим, водрузим и утвердим здѣсь на мѣстѣ, среди этих самых стѣн наше коллективное, организованное дисциплинированное соціальное своеволие! Здѣсь мы годами проливали наш пот, а порою молох машинизма требовал от нѣкоторых из нас и их кровь и их жизнь. Так вот, — живо, ребята! — навести порядок, чистоту, отмыть, соскрести вѣсковую грязь и давайте тут же на мѣстѣ танцовать, играть, веселиться, радоваться тому, что мы люди, и здѣсь же тоже люди, а не только рабочая сила! Здѣсь мы годами с самых ранних лѣтъ создавали несмѣтныя богатства для других, сами прозябая в нищетѣ и в гнетѣ, здѣсь из скрежета машиннаго и скрежета зубовнаго слагался жестоковыйный гимн поганому идолицу той капиталистической собственности, которая, как только мы кончали работу и превращались из рабочих в людей, считала нас “посторонними”, вход которым в предпріятіе “строго воспрещался”. Так вот, здѣсь же на мѣ-

стѣ покажем себѣ самим и всему міру, что и тут мы у себя дома и всѣм, кто здѣсь не трудится, а только властвует, запретим строжайше вход.

Я не знаю, была ли кѣмнибудь во время этих “забастовок на мѣстѣ”, “на кучѣ” устно или письменно сформулирована подобным или схожим образом социальная психология этого движенія, этой невиданной формы движенія. Но что она лежала гдѣ то в очерченных предѣлах — это не подлежит никакому сомнѣнію. Пытались болѣе или менѣе удачно оправдать форму этого движенія практическими соображеніями: так легче бороться с штрейкбрехерами, сотни тысяч бастующих рабочих, очутившись внѣ стѣн предприятий в томительно-тревожном бездѣліи могли бы легко стать жертвой провокацій, втянуться стихійно в какіенибудь эксцессы, скорѣе сдаться на милость предпринимателей под влияніем разлагающей боевую волю семейной обстановки. Всѣ эти соображенія не лишены значенія: таковы в самом дѣлѣ были практическія послѣдствія избраннаго метода борьбы.

Но не надо практическія послѣдствія какогонибудь дѣйствія смѣшивать с тѣми импульсами, которые на это дѣйствіе толкают. Это очень хорошо, это большое счастье для французскаго пролетаріата и для французской демократіи, что избранный метод борьбы отдалил опасности грандіознаго социального конфликта, а не приблизил их. Не слѣдует, однако, обольщаться и уходить от естественно возникающаго вопроса: а что было бы, если бы во время этих повальных оккупаций у власти стояло правительство, не возглавляемое лидером социалистической партіи, взявшим себѣ в министры внутренних дѣл любимаго рабочими социалиста Салангро? Не оказались бы всѣ тактическія преимущества этого способа борьбы немедленно ликвидированными “твердой властью”, рѣшившей во что бы то ни стало водворить “порядок” и возстановить полностью священное право собственности хозяев на их оккупированныя фабрично-заводскія помѣщенія?

Нѣтъ, не в практической выгоду, а в социальной символически крылись глубинные корни этого движения. А социальная его символика была по существу испровержением существующаго строя капиталистических отношений. Правда, никаких требований, выполнение которых было бы несовместимо со структурой капиталистической собственности рабочие не предъявили. Многие из этих требований давно уже осуществлены в других странах без большого ущерба для капиталистических форм хозяйства. Навряд ли даже среди этих двух миллионов бастовавших рабочих было много таких, которые бы имѣли сколько нибудь оформленного социалистическаго убѣждения. И однако, было в этом движении нечто болѣе сильное, чѣм оформленная программа: было нравственное возстаніе против капитализма, как системы человеческой несправды. И в такой борьбѣ символ играет порою болѣе значительную роль, выражает болѣе глубокий и опасный протест, чѣм программное чистописаніе. В окупации фабрично-заводских помѣщений, в этом рѣзком нарушении капиталистическаго права собственности, была вымѣщена социально-моральная обида, накопившаяся за долгіе годы в душах рабочих людей, в коллективном самочувствіи эксплуатируемаго класса.

Движеніе это началось без всякаго руководства с какой бы то ни было стороны. И уж только тогда, когда оно разлилось, в него стали просачиваться организованные элементы из СЖТ. Не из нѣдр СЖТ вышло это движение, а наоборот — из нѣдр этого движения вышло СЖТ в современном его видѣ. Движеніе это привело в СЖТ примѣрно новых 4 миллиона членов, а было в нем до прихода правительства Блюма к власти всего один миллион членов.

Насколько исполненным был этот рост можно видѣть по нѣскольким примѣрам, сведенным в слѣдующей таблицѣ:

Название союзов	Май 1936 г.	Май 1937 г.
Строительных рабочих	40,000 чл.	510,000 чл.
Металлистов	100,000 "	800,000 "
Текстильных рабочих	42,000 "	350,000 "

Желѣзнодорожников	125,000	“	320,000	“
Служащих	15,000	“	285,000	“
Чиновников	235,000	“	280,000	“
Горнорабочих	80,000	“	275,000	“
Общественныя службы	85,000	“	200,000	“
Сельско-хозяйствен. рабоч.	8,000	“	180,000	“
Химиков	5,000	“	171,000	“
Всего только по 10 союзам	<hr/>		735,000	“ 3,371,000 “

Эти новые миллионы людей пришли в организациі прямо с поля битвы, в состояніи громаднаго социальнаго возбужденія. Освоить эти новые миллионы людей, прочитать их духом профессиональной дисциплины, включить их в іерархическія рамки, приспособить их к прежним кадрам и прежніе кадры к ним стало задачей исполинской трудности. И когда там и здѣсь движеніе выходило за свои разумныя рамки, там и здѣсь впадало в эксцессы, там и здѣсь компрометировало величавое достоинство всего этого рабочаго возстанія в дѣлом, то враги рабочаго движенія радостно злобствовали, а среди его друзей нашлось не мало таких, которые падали духом и в едва ли проницательном недоумѣніи спрашивали: “а гдѣ же СЖТ?”

Безсмысленно это отрицать: и сейчас еще, год спустя, СЖТ не всюду и не всегда поспѣвает со своим организационным вліяніем, не всюду и не всегда умѣет подчинить своим видам и намѣреніям отдѣльные отряды французскаго пролетаріата. И год времени — это недостаточно, чтобы сплотить в строго дисциплинированные ряды пятимилліонную массу, в громадном своем большинствѣ проходящую самые первые азы организационной жизни. Тот, кто думает, что французскій пролетаріат можно довести до той степени организованности, какую представляли собою профессиональные союзы в до-гитлеровской Германіи и представляют собою союзы скандинавских стран — тот вообще впадает в большую ошибку. По неистребимым національным особенностям французской индивидуалистической психологіи это

вообще соціологически и національно немислимо. Наоборот, можно только удивляться, как СЖТ удалось сплотить эти 5 миллионів пролетарскаго сырья в такой, все же не малой, степени, кака достигнута сейчас, сиустя только год послѣ грандіознаго разлива стачечной стихіи.

Поэтому прекраснодушіем кабинетных абстракцій звучат всѣ эти указанія на то, что СЖТ затрудняет работу правительства Блюма, ставит его под удары врагов, снисходительно относится к тѣм формам рабочей активности, которыя идут в разрѣз с интересами возможно скорого успокоенія страны, интересами психологической, политической и соціальной стабилизации. Пужно понять одно: СЖТ есть орган глубокой соціальной трансформации всего современнаго строя Франціи, есть орган масс, пришедших в движеніе во имя больших идеалов соціальной справедливости, есть боевой орган класса, который уже не примирится с системой капиталистической неправды и уже неспособен на долгую паузу в развитіи и выявленіи своих міропреобразующих сил и тенденцій. В таком случаѣ паввно думать, что подобнаго рода процесс может протекать без сучка и задоринки, без временных и мѣстных эксцессов. Никогда еще в исторіи рабочаго движенія централизованная профессиональная организация пролетаріата не ставила себя в такой открытой и ясной формѣ цѣли преобразования современнаго соціальнаго строя, в качествѣ очередной сегодняшней задачи, как это пинѣ дѣлает СЖТ. Мы привыкли к тому, что цѣли кореннаго преобразования, цѣли революціоннаго характера ставит себя только политическая партія пролетаріата, а профессиональная организация его есть только орган борьбы за ближайшія экономическія задачи, ограниченныя чисто профессиональными рамками. Такое раздѣленіе труда даже записано и предписано во многих программных книжках соціалистической литературы.

Но во Франціи все это совсѣм не так, и даже наоборот: здѣсь политическія партіи пролетаріата в своем реальном (а не программном) отношеніи к существующему капита-

листическому строю гораздо болѣе консервативны, чѣм профессиональная организація пролетаріата. Ни социалистическая и ни коммунистическая партія, и коммунистическая даже в особенности, не ставят себѣ очередной практической задачи преодоленія капиталистическаго строя. Во Франціи эту задачу, как задачу и практическую ставит себѣ только СЖТ. Здѣсь обпаруживаются интересные законы идеологическаго релятивизма. Перенесенныя в стратосферу далекаго будущаго преобразовательныя задачи и преобразовательные методы социалистической и коммунистической партій являются или во всяком случаѣ кажутся куда болѣе рѣшительными и революціонными, чѣм отнесенныя к ближайшей к нам атмосферѣ задачи и методы СЖТ. Эти послѣднія задачи скромнѣе и методы куда менѣе революціонны, чѣм у упомянутых партій. СЖТ не обѣщает и не дѣлает никакой революціи, не грозитя диктатурами, не впадает в пафос финальных ситуацій и финальных фраз. Если идеологию социалистической партіи позволительно называть “революціонной”, то тѣм самым становится позволительно называть идеологию СЖТ “реформистской”. И вот какое получается странное, если не смѣшеніе, то смѣшеніе обычных понятій. Этот реформизм СЖТ к нынѣ, сегодня существующему социальному строю относится весьма революціонно и хочет с сегодняшняго же дня пачать его ликвидацію рядом рѣшительных социальных мѣропріятіи, поддержаннх непосредственной акціей масс; а этот революціонизм социалистической партіи к нынѣ, сегодня существующему социальному строю относится куда болѣе терпимо и даже охранительно и откладывает его ликвидацію до наступленія условій, которыя неизвѣстно когда наступят. Вот вам и “реформизм” и вот вам “революціонность”!!

Но если СЖТ занимает такую позицію непосредственнаго, неоткладываемаго покушенія на самыя основы господствующей капиталистической системы хозяйства, то напрасно ожидать, что эта организація способна была воздѣйствовать успокаивающе на массы, особенно в момент,

когда совѣм неуспокаивающе на массы воздѣйствует класс капиталистов, выдающій в СЖТ своего главнаго врага. И особенно трудно воздѣйствовать успокаивающе на массы, только-только вошедшія в приговорительный класс организаціи, только-только отвоевавшія такіе основные элементы рабочаго права, как коллективныя договоры, рабочее представительство на предприятиях, право на оплачиваемый отдых, посредничество и арбитраж в рабочих конфликтах.

Но СЖТ вовсе и не хочет успокаивать рабочих. Он не занимается подстрекательством и демагогіей, он осуждает всякую “революціонную гимнастику”, он внутри себя довольно успѣшно тормозит соответствующія поползновенія нѣкоторых элементов, воспитавшихся в недоброй павляти коммунистических профсоюзах. Но он рабочих не успокаивает, а наоборот все болѣе революціонизирует сознаніе массы прививками принципіальной непримиримости с капиталистическим строем, а главное — настойчивым повтореніем своего глубокаго убѣжденія, что этот строй надо и можно начать ликвидировать уже сейчас. Вѣроятно сложная система извѣстнаго “Плана СЖТ”, подробно и практически намѣтившаго пути обобществленія ключевых отраслей промышленности, извѣстна и понятна только маленькому меньшинству среди объединенных им 5 милліонов рабочих. Но вот эта настойчивость и упрямство реформизма, не желающаго отложить социальную революцію до слушнаго часа, в исторических расписаніях нигдѣ не указаннаго, по порыващаго ее начать сегодня же и по существу уже дѣйствительно ее начавшаго — все это подрывает самый главный устой капиталистическаго общества — привычку масс быть эксплуатируемыми, привычку их сносить наемное рабство, как нѣкій непреложный закон природы, даже не исторіи, а именно природы.

Все это безпокоющее воздѣйствіе СЖТ на массы причиняет весьма часто громадныя затрудненія самой организаціи. Рабочіе в своей активности то и дѣло переходят тѣ грани, которыя совмѣстимы с общими интересами класса и

движенія. В естественном стремленіи использовать выгодную политическую ситуацію, создавшуюся с приходом к власти кабинета Леона Блюма, они подрывают иногда самую основу этой выгодной ситуаціи: сочувствіе одной части и терпимость другой части прогрессивно настроеннаго большинства французскаго народа к правительству народнаго фронта. СЖТ должно тогда тормозить и чѣм быстрее движеніе, тѣм искусство и техника торможенія становятся болѣе сложными и затруднительными. Не всегда СЖТ с этим справляется. Бывали, есть и будут еще неудачи. Но к этим затрудненіям и неудачам примѣнимо то восклицаніе, которое сорвалось с языка ветерана социалистической партіи Брака, когда Блюм стал во главѣ власти: "Наконец-то начинаются трудности!" Так вѣроятно говорит себѣ женщина, желающая стать матерью, когда в первый раз чувствует, что она дѣйствительно ею становится.

Вся эпоха, переживаемая сейчас Франціей, есть эпоха таких благословенных трудностей. Политических, социальных, экономических. И трудности и неудачи СЖТ входят составным элементом в этот період творчества новых форм жизни. Для органа социальной воли французскаго пролетариата наконец то начались трудности, потому что наконец то началась отвѣтственная работа творческаго созиданія новой жизни. Взятая изолированно от стиля эпохи, от ее социального и политическаго цѣлеустремленія — эти безкоченныя трудности и частичныя неудачи могут иногда вогнать в черную меланхолю. Но для этого надо предварительно условиться, что это очень хорошо и полезно из за деревьев не видѣть лѣса и вырывать отдѣльные факты, хотя бы и множество фактов, из их историческаго и идеологическаго контекста.

Несомнѣнно, что среди громадных и постоянных трудностей, испытываемых правительством Леона Блюма и заставляющих порою задумываться над самой судьбой этого правительства, совсѣм не малое мѣсто занимает то глубокое социальное броженіе, которое идеологически и фактиче-

ски возглавляется СЖТ. Порою так и кажется, что СЖТ дѣлает французскій пролетаріат для правительства Блюма не болѣе, а менѣе "удобопереносимым". А развѣ подлежит хоть какому нибудь сомнѣнію, что не только министры-соціалисты, но и весь кабинет в цѣлом искренне и дѣйствительно озабочены все далѣе идущим улучшеніем условій жизни и труда рабочих масс Франціи. Так зачѣм же СЖТ затрудняет его задачи?

Первый, самый простой и тут же напрашивающійся отвѣтъ на эти впечатлѣнія и сомнѣнія заключается в том, что без широкаго содѣйствія СЖТ и само это правительство не могло бы родиться и в том Народном Фронтѣ, на который это правительство опирается, СЖТ является самой крупной и рѣшающей силой. И если этому правительству будет когда нибудь грозить серьезная опасность со стороны мобилизованных сил фашизма и реакціи вообще, то именно СЖТ будет той главной силой, которая противопоставит свои организованные отряды реакціонному бунту. Имѣя такого союзника, стоит ради него терпѣливо выносить нѣкоторыя, им же причиняемая неприятности.

Но этот, непосредственно напрашивающійся отвѣтъ, мнует самую суть проблемы. А чтобы эту суть по возможности яснѣе себѣ представить, надо прежде всего все-таки опредѣлить, что же это такое — демократія? Если демократія сводится только к системѣ государственных органов, вписанных в конституціонные акты и к тѣм функціям этих органов и всѣх граждан, которые в этих актах значатся, то тогда, несомнѣнно народженіе в странѣ от этой системы учреждений и право хотя бы в их легальных рамках, большой самостоятельной соціальной силы, объединяющей миллионы граждан в борьбѣ за интересы, в предмет вѣдѣнія государственных органов не входящих, является для этой демократіи опасностью, является во всяком случаѣ источником постоянных для нее затрудненій. На этой точкѣ зрѣнія стояла французская революція 1789 г. и в 1791 г. знаменитый закоп ле Шателъера объявил образованіе рабочих

коалицій уголовним преступленіем. Подобныя вещи кажутся теперь анахронизмом даже для весьма консервативно настроенных политических дѣятелей, но за то живуча даже у многих весьма радикальных демократов тенденція монополизировать весь объем общественнаго творчества и борьбы если не прямо в руках государства, то по крайней мѣрѣ в рамках созданных им институтов. Это творчество и эта борьба не может не преслѣдовать цѣлей государственной пользы, а так как единственно конкретным мѣрилом государственной пользы является все таки только правительство, то весь этот объем творчества и борьбы должен в конечном счетѣ соответствовать видам и намѣреніям правительства. Само собою разумѣется, если это правительство хорошее. Если же оно плохое, то против него слѣдует бороться, его слѣдует свалить, покуда к власти не придет хорошее правительство и тогда уже, раз оно дѣйствительно хорошее, то с его видами и намѣреніями слѣдует согласовать свои дѣйствія.

Эта, здѣсь огрубленная и упрощенная, система взглядов, в реальности выражающаяся во множествѣ болѣе или менѣе облагораживающих ее нюансов, есть по существу система эстатистскаго пониманія демократіи.

Но есть и другое: социальное пониманіе демократіи. (Это не слѣдует смѣшивать с “социальной демократіей”, под которой имѣется в виду политическій режим, который наряду с гарантіями широчайших политических прав, насыщен в высокой мѣрѣ и специфическим социальным творчеством, преимущественно в пользу экономически зависимых и слабых слоев населенія).

Социальное пониманіе демократіи исходит из того, что она является сочетаніем государственных органов с органами свободнаго массоваго творчества и в послѣдних первые черпают свой авторитет не только в силу мандата, делегированія, но и в мѣрѣ своего непосредственнаго с ними контакта и повседневнаго согласова-

нія. Государственные верхи только выходят из низов, но не уходят от них, хотя бы только до ближайшей встрѣчи на частных или общих выборах.

При таком соціальном пониманіи демократіи, а именно в этом, если можно так выразиться о б о щ е с т в л е н і и французской демократіи и состоит величайшій смысл французских событій послѣдняго года, бессмысленна и самая эта постановка вопроса о том, что СЖТ порою вредит видам и намѣреніям правительства Леона Блюма. Бессмысленна потому что, фигурально выражаясь, виды и намѣренія главы СЖТ Леона Жуо принципиально равноцѣнны видам и намѣреніям Леона Блюма. Иными словами: задачи профессионально-экопомической демократіи не могут быть подчинены задачам политической демократіи, как и наоборот, но эти двоякаго рода задачи соподчинены объединяющей их задачѣ построения режима соціальной демократіи. Однако, такое соподчиненіе не дается автоматически, не может быть регламентировано какими либо уставными нормами, а является результатом взаимнаго приспособленія, из котораго неустраним нѣкоторый элемент борьбы, или скажем состязанія. СЖТ иногда "мѣшает" правительству Блюма, правительство Блюма иногда "мѣшает" СЖТ, по все это все-таки не болѣе, как различныя формы взаимнаго друга на друга вліянія и соподчиненія во имя высших интересов соціальной демократіи. При этом необходимо имѣть в виду слѣдующее:

СЖТ есть организація класса. Можно быть свободным от соціологической мистики классоваго единства и отчетливо видѣть линіи серьезнаго соціальнаго расслоенія и в предѣлах самого пролетариата. И тѣм не менѣе, надо учесть, что правительство Блюма есть коалиціонное образованіе, имѣющее общую основу на той тонкой линіи, гдѣ максимум одной ее части встрѣчается с минимумом другой, между тѣм как СЖТ является органическим объединеніем на очень широкой оптимальной базѣ. Даже любое партійно-однородное правительство, даже чисто со-

ціалістическое правительство, которое открыто исповѣдует классовый принцип, всегда все-таки в своей дѣятельности вынуждено олицетворять извѣстный компромисс между общественными силами и общественными тенденціями, сталкивающимися в странѣ. Если бы кабинет Блюма состоялъ только из социалистов, то выражаемый им компромисс навряд ли на много бы отличался от нынѣшняго. В этом компромиссѣ СЖТ не средняя его арифметическая, не копія этого компромисса, а его часть, не могущая не стремиться к тому, чтобы средняя арифметическая была бы возможно ближе к его собственной оптимальной программѣ. А это означает, что моменты расхожденія и даже борьбы тут совершенно неизбежны. И полезны.

Но так ли они уже опасны и вообще опасны ли они?

Исторія 11-мѣсячнаго существованія кабинета Блюма дает на это отвѣтъ, обладающій огромной принципиальной значительностью. Правленіе Леона Блюма сразу же началось с крупной “неприятности”, приписанной ему рабочим классом Франціи. СЖТ по мѣрѣ своих сил руку к этой неприятности приложило. Оно, конечно, стремилось держать это грандіозное стачечное движеніе в рамках дисциплины и не допускать его бунтарскаго вырожденія. Не так вѣроятно поступила бы всякая серьезная профессиональная организація, даже настроенная явно враждебно к существующему правительству. С этой стороны никакой т. с. “услуги” правительству Блюма со стороны СЖТ не было. СЖТ просто выполняло свой долг водительства. Но правительству нужно было, чтобы это движеніе возможно скорѣе кончилось. Что оно колебало его авторитет в странѣ, что оно чрезвычайно затрудняло поддержаніе равновѣсія в правительственной коалиціи — в этом нѣтъ никакого сомнѣнія. Как мы недавно узнали из рѣчи Блюма на собраніи сенской федераціи его партіи, внутри нее во время разлива этого движенія стали зрѣть опасные соблазны: а нельзя ли, воспользовавшись избирательным тріумфом рабочих партій, с одной стороны, и могущественным, небывалым в исто-

рін разливом стачечнаго движенія, с его острыми формами окупаціи, с другой, сразу же перемахнуть со стези демократической легальности на стезю революціоннаго захвата власти? Что такія настроенія были и в рабочих массах — это не подлежит никакому сомнѣнію.

Ясно, как правительству прямо до зарѣза нужно было, чтобы движеніе возможно скоро кончилось. Но СЖТ было в это время озабочено другой, в извѣстном смыслѣ прямо противоположной задачей: исчерпать потенціональную силу движенія до конца, провести через священный огонь борьбы по возможности болѣе широкія массы, разбудить социальный протест и социальную активность самых отсталых слоев пролетариата. И СЖТ так и не дало яснаго смѣлаго лозунга: довольно, надо остановиться! Движеніе было доведено до своего конца в силу просто количественнаго исчерпанія. Какковы же были его результаты с точки зрѣнія видов и намѣреній правительства?

Теперь уже нѣтъ опасности быть обвиненным в большевизанствѣ, если сказать, что только благодаря этому бурному разливу рабочаго движенія, только благодаря этой очень крупной “непріятности”, этому явному и рѣзкому расхожденію с видами и намѣреніями правительства это правительство обрѣло такую громадную динамическую силу, ту социально-психологическую базу, опираясь на которую это правительство только и могло рѣшиться на тот ряд коренных социальный реформ, который никогда бы не собрал в палатѣ такого, далеко превышающаго предѣлы Народнаго Фронта, большинства без этих грандіозных и опасных забастовок. Представленіе, согласно которому даже и демократическое правительство — это нѣкій коллективный Архимед, уединившійся от толпы, которая может ему испортить чертежи — представленіе это в корнѣ своем антидемократично. Без этого комбинированнаго дѣйствія снизу и сверху — народа и власти — Франція не могла бы дать тѣх ободряющих и усиливающих вѣру в демократію примѣров быстрого и энергичнаго движенія вперед, какіе она в таком изобиліи

за короткое время дала и будем надѣяться еще даст. Без этого вмѣшательства толпы чертежи нашего правительственного Архимеда никогда не могли бы быть так далеко двинуты вперед, как их двинуло правительство Блюма.

Но дѣло тут не только в реальных успѣхах реформаторской работы. Дѣло тут в самом принципѣ демократическаго властвованія. СЖТ назвали праги его “министерством масс”. И вот нужно правду сказать: Франціей теперь невозможно править без этого министерства. Это причиняет правительству большія затрудненія. Леона Блюма иногда и пожалѣть можно, как этому, не молодому и не отличающемуся избытком здоровья челоуѣку приходится, помимо его безконечнаго числа очень сложных и очень трудных кабинетских и кабинетных обязанностей, тратить еще очень много физических и душевных сил на большія рѣчи на народных и рабочих митингах. Франція еще не имѣла такого правительства, которое так часто и так пространно говорило бы не только к народу, но и с народом. Министры-соціалисты вынудили к этому министров-радикалов и все это дает такой результат, что очень трудно и очень утомительно сейчас управлять Франціей. А это СЖТ не очень то жалѣет министров и вот оно опять за послѣднее время стало энергично требовать 10 миллиардов на общественныя работы, когда завѣдомо извѣстно, что нѣту у правительства сейчас денег и невыносимо трудно их достать.

Что же дѣлать, когда быть политически и соціально радикальным правительством и вообще то гораздо труднѣе, чѣм правительством соціально-политическаго застоя или пятнаго движенія? Эти трудности, испытываемыя правительством Блюма, входят так сказать в его программу и давление организованных и даже неорганизованных масс на это правительство является не только неизбежным, но и необходимым элементом в том подвижном и нуждающемся в повседневном исправленіи равновѣсія политических сил, каким является комбинація Народнаго Фронта и его правительства. Примѣнительно к англійской демократіи нам уже

не кажется странным, что политическое равновѣсіе этой страны обезпечивается не только правительством, но чинящей ему препятствія и неприятности, идущей против его видов и намѣрсной организованной оппозиціей. Может быть не пройдет, и хорошо, если не пройдет план назначенія лидеру оппозиціи государственнаго жалованья. Но самая возможность постановки этого вопроса показывает, насколько органической частью англійской демократіи является оппозиція. Не беря это сравненіе в его буквальном значеніи, необходимо признать, что на нынѣшней стадіи развитія французской демократіи, на пути ее превращенія в социальную, СЖТ является органической частью системы. Без давленія организованнаго труда, без тяжелой, но все-таки благодостной зависимости правительства от этой социальной силы, опыт Блюма давно бы уже превратился в какую нибудь вариацию того социалистическаго "министеріализма", который благодаря печальному примѣру Мильерана пользуется во Франціи такой дурной репутаціей.

В конечном счетѣ необходимо признать, что для положенія, которое Блюм и его товарищи-соціалисты занимают в кабинетѣ, да и во всей системѣ политических сил Франціи эта причиняющая иногда большія затрудненія дѣятельность СЖТ является спасительной. Леону Жуо слѣдовало бы по существу назначить большое государственное жалованье... Не нужно вѣдь забывать, что на правительство Блюма оказывается всякими правдами и еще больше неправдами давленіе и с чисто буржуазной стороны, со стороны потревоженной индустриальной и финансовой олигархіи, со стороны т. н. "большой прессы", в значительной мѣрѣ этой олигархіи подвластной. В такой обстановкѣ напряженной социальной борьбы реальная, а не платоническая поддержка правительства Блюма не может ограничиться дружеским поддакиваніем, а должна неизбежно принять формы противоположно направленнаго давленія на то же правительство. В каждый данный момент, когда капитал выступает со своими требованіями, основанными на отживших и мораль-

по скомпрометированных началах частного права, демократическое правительство социальной реформы может от этих капиталистических притязаний отбиться только энергично заявленными и повседневно защищаемыми требованиями труда, основанными на началах нового социального права, новой социальной морали. Это и есть самая реальная поддержка правительства Блюма в его социально-политической преобразовательной работе, хотя не подлежит никакому сомнению, что такая поддержка порою очень затрудняет повседневную жизнь правительства и внешне как бы суммируется с теми затруднениями, какия этому правительству причиняет подрывная работа буржуазной реакции.

Леопу Блюму и другим министрам социалистам пришлось за этот год пребывания их у власти не раз подчеркивать, что в своей деятельности правительство не может и не должно выходить за рамки существующей социальной системы. Эти заявления имѣли двоякую цѣль: с одной стороны умѣрить страхи буржуазии, с другой — умѣрить надежды пролетариата. Мнѣ лично эта теорія рамок кажется достаточно таки метафизичной, потому что теперь стало весьма загадочным, гдѣ собственно эти рамки существующаго строя кончаются и вообще существуют ли еще эти рамки существующаго строя. Тот строй, который имѣл свои ясныя рамки, тот строй классическаго капитализма вообще говоря уже скончался и его не раз уже оплакивали ученые представители либеральной экономии. Одно во всяком случаѣ ясно: оставаясь, как оно думает, в рамках существующаго строя, правительство Народнаго Фронта в своем большинствѣ, в своей наиболѣе радикальной части, стремится, во всяком случаѣ, быть возможно ближе к выходу из тѣх рамок, из которых выйти оно себя не считает в правѣ.

Но СЖТ вѣдь никому и никогда не давало обязательств из этих рамок не выходить. Наоборот, тоже подверженное метафизикѣ “рамок”, оно дало и продолжает давать твердое обѣщаніе сдѣлать все, чтобы из этих рамок, наконец, выйти. “План СЖТ” как раз и состоит из подробно разработанный

системы требованій и мѣропріятій, совокупность которых как раз такой выход из рамок капиталистической экономики и должна осуществить. Этот "План СЖТ" составляет как бы его духовную первооснову и в свѣтъ его ведется вся политика этого мощнаго рабочаго объединенія. Таким образом правительство и СЖТ находятся по разным сторонам этих рамок. Первое, запертое внутри них, но жмущееся все-таки поближе к выходу из них, а второе — выѣхавшее на волю безкомпромисснаго социальнаго существованія. По существу они довольно близкіе сосѣди, так как СЖТ не страдает каким-либо максимализмом и, находясь с другой стороны этих рамок тоже для начала жмется, довольно близко к выходу из них. Надо думать, что тайком, одни из своей неволи, другие с воли, друг с другом перестукиваются...

Но идея выхода за рамки не только пролетарская, не только социалистическая и коммунистическая идея. Среди радикальных кругов интеллигенціи то же идея борьбы с индустриальным и финансовым феодализмом и выхода за рамки капитализма пользуется весьма большою популярностью и принимает для французскаго сознания весьма соблазнительную окраску традицій Великой Французской Революціи, разметавшей в прах феодализм земельный. Все крѣпнущее теченіе "фронтизма", во главѣ котораго стоит выходец из радикальной партіи Гастон Бержери, всходит именно на этих анти-капиталистических дрожжах и не останавливается перед очень рѣшительными атаками на правительство Блюма именно за его отказ выйти за "рамки". С другой стороны, когда Блюм и другие министры-социалисты то и дѣло говорят о том, что нельзя из этих рамок выйти, то в этих декларациях всегда слышится невысказанное вслух: "к сожалѣнію". Они эту нужду не превращают в добродѣтель. Нигдѣ так сильно, как во Франціи, не осознан историческій разрыв между капитализмом и собственностью и ощущеніе противоположности их интересов во Франціи выражено очень ясно. "Собственность против капитализ-

ма!» — эта новизна социального противопоставления во Франции не кажется парадоксальной.

При таких условиях СЖТ в своих порываниях за пределы рамок, в своей борьбе за реформу самой «структуры» современного социального строя, является не только силой классовой, но в весьма значительной степени и силой общенациональной. Освобождение труда означает для СЖТ не только освобождение пролетариата, но и освобождение трудовой собственности из когтей капитализма. Забота о мелкой собственности, вообще о трудовой собственности и связанных с нею средних классах входит органической частью в идеологию СЖТ. При таких условиях правительству приходится прислушиваться к голосу СЖТ более чем внимательно и более чем сочувственно, и никакие демагогические выпады антиправительственной печати не могут его смутить в его прямых и открытых сношениях с этим, законом и конституцией непризнанным, «министерством масс». Это министерство можно сказать идеологически и реально, в фактах своей социальной борьбы, утаптывает дорогу правительству в его социально-реформаторской деятельности. Это министерство настойчиво и успешно отодвигает линию необходимого правительственного компромисса все ближе и ближе к порогу того выхода, который правительство формально не имеет право преступить, но основные силы которого с радостью его бы преступили.

Так каждая из этих двух основных сил французской демократии, идя своей собственной дорогой, то сближаясь между собою, то временно отдаляясь друг от друга, делают в конце концов совместную работу коренного изменения социально-политического лица современной Франции.

Описание практических результатов этой работы, равно как и оценка перспектив ее дальнейшего развития не могут входить в задачи этой статьи. Одно только важно в заключение подчеркнуть: это принципиальное значение проанализированного выше взаимодействия между правительством и СЖТ в системе наших взглядов на сущность и

пути демократіи. Совершенно очевидно, что мы здѣсь выходим из привычных рамок только политически, только этактически, только правительственно понимаемой демократіи. Демократія, выростающая на наших глазах на почвѣ Франціи это демократія тоталитарная, т. е. всесторонняя, втянувшая в сферу своего вѣдѣнія всю полноту народной жизни, а не только ее политическую сторону. Всѣ существенныя отрасли народной жизни: политика, экономика, культура в тѣсно органическом сплетеніи друг с другом входят в жизненную манифестацію этой тоталитарной демократіи, и нѣтъ здѣсь ни для одной из частей этого органическаго единства командных привилегій, преимущественных прав, заповѣдных владѣній. В такой демократіи основная сила социальной, политической и культурной связи отдѣльных граждан — это их собственная организациія по различным линіям их пасущих интересов, количественный и качественный рост которых и является основным фактором всякаго человеческого прогресса. Тоталитарная демократія — это не только форма и объем власти, но форма и объем всего житетворенія народа.

На пути к созданію такой тоталитарной демократіи Франція сдѣлала первые шаги громаднаго историческаго значенія. Среди социальных сил, се на этот путь дальше толкающая, СЖТ занимает главенствующее мѣсто. И поэтому тема “Се-Же-Тэ” такая животрепещущая для демократическаго сознанія всего міра.

Приблизить нѣсколько русскаго читателя к пониманію этой темы — такова задача, которой я попытался овладѣть на предыдущих страницах.

СТ. ИВАНОВИЧ.